

творческие отношения через переписку, обмен новыми публикациями.

Из представителей старшего поколения в этом плане можно отметить Б.А.Сутырина, Ю.С.Зобова, Н.П.Шмакову, Ю.С.Васильева; из среднего поколения - это И.В.Побережников (от него имею более десятка ценных работ по урало-сибирской тематике, в том числе несколько монографий, с краткими, ёмкими автографами; давно уже должен стать доктором исторических наук), Е.Ю.Апкаримова, С.В.Голикова, Т.Г.Мосунова, И.И.Вишев, Д.Л.Харланов, Н.Н.Агафонова, Е.Ю.Рукосуев, В.А.Манин.

Ценной частью моей библиотеки являются работы с автографами известных учёных, докторов исторических наук, профессоров Л.Г.Захаровой, А.А.Преображенского, А.А.Чернобаева, В.В.Черепанова. Автографы москвичей кроме их краткости весьма оригинальны по содержанию.

Профессор МГУ Л.Г.Захарова подаренный мне в 2000 г. трёхтомник «Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д.А.Милютин» (за 1816-1862 гг.), изданный в Москве в 1997-1999 гг. (под её редакцией), подписала словами: «Дорогому Валерию Владимировичу с наилучшими пожеланиями в наступающем новом тысячелетии и дружески!».

Подготовленная ею и Л.И.Тютюнник книга «Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 г.» (издана в 1999 г.) подписана словами: «Дорогому Валерию Владимировичу на добрую память дружески!».

А.А.Преображенский изданную в Москве в 2000 г. книгу «Историк об историках России XX столетия» сопроводил надписью: «С добрыми пожеланиями В.В.Пундани. А.А.Преображенский!». Вторая его книга «Веков связующая нить. Преемственность военно-патристических традиций русского народа (XIII- начало XIXвв.)» (увидела свет в Москве в 2002 г.) имеет автограф «Дорогому В.В.Пундани на добрую память. А.А.Преображенский!». К сожалению, это была его последняя прижизненная работа.

А.А.Чернобаев, автор-составитель двухтомного библиографического словаря «Историки России XX века» (издан в Саратове в 2005 г.), подписал мне автографом: «Уважаемому В.В.Пундани с самыми добрыми пожеланиями». А.А.Чернобаев - главный редактор журнала «Исторический архив».

Находившийся в отпуске на родной земле В.В.Черепанов подарил мне фундаментальную монографию «Власть и война. Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне» (увидела свет в московском издательстве «Известия»). Автограф к книге следующий: «Глубокоуважаемому земляку - профессору Пундани Валерию с наилучшими пожеланиями от автора - В.Черепанова. Июль 2006 г.».

Завершая тему автографов от людей, делающих и делавших большую науку, отмечу ещё раз А.А.Кондрашенкова, проработавшего в КГПИ 14 лет, в том числе 13 лет его ректором. Он был моим научным руководителем по кандидатской и научным консультантом по докторской диссертациям. 36 лет продолжалось моё творческое, духовное содружество с этим замечательным человеком.

Работая 20 лет ректором СГПУ, а с 1988 по 2005 гг. - просто профессором этого вуза (умер 10 сентября 2005 г. на 91-м году жизни), практически на протяжении всего этого времени присылал мне в Курган свои работы с автографами.

Одна из статей А.А.Кондрашенкова «Заселение и экономическое освоение Зауралья русскими крестьянами в XVII - первой половине XIX вв.» была написана им в соавторстве со мной и опубликована в «Материалах научной конференции, посвященной 25-летию Смоленского проблемного объединения по истории сельского хо-

зяйства и крестьянства Западного региона РФ 15-16 марта 1995 г.» (изданы в Смоленске).

Последний автограф моего мудрого учителя был следующим: «Дорогому Валерию Владимировичу с добрыми пожеланиями здоровья, творческого долголетия!».

Свидетелями многолетней творческой дружбы с краеведами-зауральцами являются находящиеся в моей библиотеке книги с их надписями. Это труды В.П.Бирюкова, С.В.Плотникова, Л.А.Астафьевой, М.М.Мозина, Л.П.Осинцева, С.В.Борисова, А.М.Бритвина, А.А.Пашкова, Ю.П.Агафонова, А.С.Севастьянова, С.Е.Золотых, А.М.Васильевой, Э.А.Самсоновой, В.В.Усманова, Г.П.Устюжанина, В.Т.Серкова, В.С.Чернышёв, Г.М.Плеханов, Н.А.Аксёнова.

Содержание их автографов многомерно и оригинально. Отмечу лишь две надписи, имеющиеся в книге «Забытый Курган», А.М.Васильевой и директора Курганского областного краеведческого музея Э.А.Самсоновой. Первая: «Уважаемому Валерию Владимировичу с искренним чувством благодарности за активную помощь в издании книги». Вторая: «Другу музея, благодаря которому эта книга увидела свет, с любовью и благодарностью».

Завершая поднятую тему, отмечу следующее. Достаточно широка география автографов, хранящих память о людях, их подаривших, знаменующих очень многое. Это тёплые, искренние, родственные, крепкие, прочные, надёжные, дружеские, творческие, научные, духовные нити, связывающие нас. Это люди, живущие и жившие на Курганской земле, в Кургане, Шадринске, Юргамыше, Далматово, Макушино, станице Звериноголовской, в Челябинске, Миассе, Екатеринбурге, Оренбурге, Уфе, Перми, Тюмени, Сургуте, Ханты-Мансийске, Нижневартовске, Омске, Томске, Новосибирске, Барнауле, Красноярске, Вологде, Самаре, Чернигове, Смоленске, Москве.

Со всеми дарящими, присылающими своё творение - публикацию с автографом, мы становимся ближе, открытее, делаем одно большое, доброе дело, углубляемся в историю нашей большой и малой Родины, находим новые страницы своих, нередко трагичных родословий! Уверенно держим руку на пульсе научных и краеведческих поисков, сотрудничаем!

Л.Е.Добрейцина

*Уральский государственный университет,
г. Екатеринбург*

ЦЕНТР И ПРОВИНЦИЯ: СИСТЕМА СВЯЗЕЙ И ОТНОШЕНИЙ КАК ОСНОВА РЕГИОНАЛИСТИКИ

На рубеже XX-XXI веков интерес к проблемам культуры регионов в отечественной науке оказался чрезвычайно высок. Причины этого многообразны. Это и общая демократизация всех сфер жизни, в том числе и культуры, поощрение инициативы «снизу» в 1990-е годы; и открытие новых, неосвоенных в советское время источников, и вследствие этого появление новых тем исследования; и, наконец, общемировые тенденции глобализации, вызвавшие потребность в защите региональных особенностей, в сохранении культурного разнообразия. Всему этому мы обязаны появлением особой отрасли культурологии - регионалистики, которая в наши дни активно заявляет о себе. Как для любой становящейся науки, для нее характерен целый ряд проблем. На некоторых из них нам и хотелось бы заострить внимание.

Ключевым для этой науки является понятие региона, вытеснившее слишком спорный термин «провинция», что отчасти справедливо, так как за долгий период ис-

пользования в бытовом языке и в языке власти этот термин приобрел оценочно негативную окраску. И все же говоря о регионах, как правило, имеют в виду провинциальные регионы, так как регион концентрации столичной культуры подразумевается само собой разумеющимся объектом изучения. А вот право провинциальных регионов на изучение, на наличие чего-то ценного как будто еще требуется доказать. Таким образом, одной из проблем регионалистики является сам факт ее существования: научная несомненность и одновременно обывательская сомнительность предмета.

Серьезная проблема практически любой становящейся науки – некоторая терминологическая нечеткость. Понятие «регион» заимствовано из политической географии, и до сих пор требуются уточнения для того, чтобы превратить его в полноценную культурологическую категорию. Можно ли считать понятия региона, провинции, периферии синонимами? Очевидно, нет, хотя часто они используются именно так, в том числе и в научных текстах. Наконец, необходимым антонимом к провинции является понятие столицы. Все эти понятия требуют уточнения. В целом все многообразие значений можно свести к трем основным трактовкам: территориально-географической, культурно-географической и ценностной.

Первая четко определяет столицу как административный центр, а провинцию – как все, что этим центром не является. Однако это объяснение относится скорее к сфере политической географии и не может считаться исчерпывающим для культурологии. Более культурологично, на наш взгляд, говорить не о столице, а о «культурном центре» или просто «центре», так как ясно, что столица как место резиденции власти и столица как центр культуры, как ее репрезентант далеко не всегда тождественны.

Ценностная трактовка больше характерна для бытового понимания и фиксирует значение центра как однозначно положительного места, а провинции – как чего-то косного, отсталого и бедного. Провинция в буквальном переводе с латинского – «то, что должно быть завоевано», «завоеванная территория». Словарь Брокгауза-Ефрона дает именно такие значения: «...3). Вражеская область, которая назначается полководцу как театр военных действий 4). Внеиталийское владение, население которого обращено в римское подданство, вносит подати и подчиняется римскому наместнику» (7). То есть это не просто территория, удаленная от другой территории – столицы, это территория, удаленная от магистральных рубежей развития культуры, от новейших достижений, она по отношению к столице является как бы вчерашним днем. Это широко распространенное в массовом (и не только) сознании ценностное определение провинции фиксируют многие словари советского времени. В частности, в словаре С.И. Ожегова слово «провинциальный» прямо объясняется как «отсталый, наивный и простоватый» (2, 604). Оценочное понимание столицы и провинции особенно характерно для авторитарных культур: «постепенно возникавшая иерархия людей накладывалась на постепенно возникавшую иерархию пространств, в результате чего «хорошие» с точки зрения культуры (авторитарной культуры) люди оказывались ближе к Москве или даже к центру Москвы, а «плохие» занимали периферию» (3, 109).

Разумеется, для целей регионалистики такое определение не подходит. Не случайно почти во всех словарях, где дается подобная трактовка, она отмечается ремарками «разг.», «перен.», то есть не рассматривается как нечто, имеющее объективную значимость. Быть может, негативные ассоциации, связанные со словом «провинция», действительно мешают его научному употреб-

лению, и имеет смысл отказаться от него в пользу термина «периферия», которое воспринимается нами безоценочно – просто как «нецентральная территория».

Значительно более интересна культурно-географическая трактовка понятий. Центр и периферия в этом случае понимаются как две полноправные составляющие общенациональной культуры, отличные друг от друга и находящиеся в состоянии диалога. «Образ центра – один из фундаментальных символов человечества. Это символ начала, абсолютной реальности, места конденсации и сосуществования противоположных сил, наиболее концентрированной энергии... Это символ творческой силы и конца всех вещей» (4, 326). А провинция в этом случае трактуется как «...3. Местность, находящаяся вдали от столицы или крупных культурных центров, вообще – территория страны в отличие от столицы» (5, 902). Здесь удачно применено слово «в отличие», которое характеризует провинцию как нечто самостоятельное в духовном отношении, какую-то иную культуру, с которой необходим диалог. Тогда понятие «регион» должно обозначать просто некую территорию, характеризующуюся общими природно-географическими и историко-культурными особенностями. Центральность либо периферийность региона – его конкретно-ситуативная характеристика, а не объективно присущая ему как понятию составляющая.

Очевидно, что при изучении культуры региона необходимо учитывать его центральное или периферийное положение в общенациональной культуре, а также степень удаленности периферийных регионов от центральных. При этом большая удаленность от центра вовсе не обязательно будет автоматически означать большую отсталость, а, скорее всего, большую самобытность, оригинальность и, возможно, даже наличие многих качеств центра. Разумеется, иерархия культурного пространства четче выражена в культурах авторитарных, но это не означает ее отсутствия в культурах демократических. Деление на центр и периферию изначально присуще культурному пространству и имеет под собой вполне объективные основания, которые можно и нужно выявлять в процессе изучения региона.

Для периферии характерна большая специализированность, утилитарность (регионы промышленные, курортные, портовые, сельскохозяйственные), в то время как центр – это все богатство разнообразия культурной самореализации, пространство выбора. Не случайно по отношению к периферии употребляются слова «житница», «кузница», «кладовая», «опорный край державы» и т.п., а в столице России находится «выставка достижений народного хозяйства».

Не случайны столь частые в истории смены столиц при смене культурных парадигм развития. Они были обусловлены причинами не только политического, но и семиотического порядка: новизна культуры требовала и нового центра ее осуществления (таковы были действия египетского фараона Эхнатона, императора Карла Великого, киевского князя Святослава, Петра I, В.И. Ленина). Причем порой элемент новизны еще усиливался постройкой совершенно нового города, как правило, на окраине привычного старого мира, так что переносилась не только столица, но перестраивалась вся пространственная организация культуры. Периферия могла приобрести статус центра, хотя бы местного, и в результате действий людей, представлявших собой оппозицию существующему укладу и типу культуры. Таковы, например, некоторые города Урала, которые в годы зарождения капитализма в России превратились в столицы почти автономных маленьких государств-вотчин (Невьянск, затем Нижний Тагил Демидовых, Усолье Строгановых). Таков был

Магадан – столица «государства в государстве» – ГУЛАГа.

Таким образом, центр – это «пространство возможностей», а периферия – место ограниченного выбора. Окраины традиционно связываются с работой, делом, в то время как центр – с праздностью, развлечениями. Именно труд провинции обеспечивает величие центра. Житель провинции является в центре в свободное от работы время, чтобы потратить там заработанные деньги и приобщиться к оживлению, повышенному ритму существования. Центр – репрезентант культуры всего региона, своего рода его символ. «Город как замкнутое пространство может находиться в двояком отношении к окружающей его Земле: он может быть не только изоморфен государству, но олицетворять его, быть им в некотором идеальном смысле (так Рим-город вместе с тем и Рим-мир), но он может быть и его антитезой. *Urbis et orbis terrarum* могут восприниматься как две враждебные сущности... В случае, когда город относится к окружающему миру как храм, стоящий в центре города к нему самому, то есть когда он является идеализированной моделью вселенной, он, как правило, расположен в центре Земли. Вернее, где бы он ни был расположен, ему приписывается центральное положение, он считается центром. Иерусалим, Рим, Москва в разных текстах выступают именно как центры некоторых миров» (1, 320).

В центре отдельные явления региональной культуры испытываются на прочность: приобретают своего рода огранку и пускаются в оборот либо теряются и гибнут. На периферии идет черновая работа, отсюда поставляется сырье, там черпаются идеи. В то же время провинция хранит наследие прошлого либо закладывает фундамент для будущего, а столица воплощает в себе все многообразие настоящего. «Высокая привлекательность (промышленного города) в первые два десятилетия, пока город строится и существует скорее в мечтах и ожиданиях, сменяется через 40 лет резким спадом привлекательности реально построенных городов. Основные доминанты в привлекательности такого типа городов – ценность «новизны», нового образа жизни, романтика становления и преодоления, эффект собственного участия – город строится «на наших глазах» и «нашими руками»... Через 40 лет горожане ощущают, что живут в городах несбывшейся мечты» (6, 46).

Дихотомия «центр-периферия» является одной из важнейших для понимания особенностей развития культуры как региональной, так и общенациональной. Сложность заключается в том, что понятие центра архетипично, и выделять центр можно бесконечно. Любой регион имеет свой центр и свою периферию, поэтому любую точку пространства, отмеченную человеческой деятельностью, необходимо рассматривать как бы в трех плоскостях: как саморазвивающуюся систему, как провинцию, испытывающую влияние со стороны некоего центра, и как центр, к которому тяготеют свои собственные провинции.

Один из важнейших постулатов регионалистики – уверенность в самоценности любого периферийного региона, в наличии у него собственных законов функционирования и развития, творческого потенциала. Однако при изучении этих особенностей нельзя не учитывать фактор многочисленных влияний извне, без которого также невозможно было бы никакое развитие. Эти влияния проникают как по вертикали, так и по горизонтали. Вертикаль проникновения зеркальна: сверху, из центра и снизу, из собственных провинций. Этот тип взаимодействия, как правило, агрессивный: регион выступает либо в качестве жертвы, которой что-то навязывается силой, либо в качестве агрессора, который сам что-то присваивает, отбирает или диктует. При этом эта агрессия не обязательно

будет буквальной. Бьющая в глаза привлекательность центра, разнообразие предлагаемых им возможностей, соблазны действуют не менее эффективно, чем прямые приказы. По горизонтали регион несвободен от проникновения влияний со стороны соседей. Таким образом, можно сказать, что любая точка пространства, освоенная людьми, – это перекресток различных культурных влияний и заимствований. Изучение источников этих влияний, а также процессов преобразования чужого в свое является, наверное, самым сложным, но при этом абсолютно необходимым элементом любого регионоведческого исследования.

Наконец, практическая значимость регионалистики видится сейчас в сохранении культурного наследия и проектировании дальнейшего развития региона в соответствии с его собственными традициями, которые, возможно, были отчасти забыты и теперь подлежат восстановлению. И опять же при всей очевидной правильности этого утверждения сохраняются некоторые сомнения. Традиция – уже не традиция, если она требует восстановления. Любая реконструкция будет искусственной и, следовательно, вряд ли жизнеспособной. Традиции и артефакты, безусловно, подлежат изучению. Но именно как часть прошлого, как намек на возможное будущее, может быть, как предостережение, а не как прямое руководство к действию. Примерами могут служить так популярные сейчас в Европе и России этнографические музеи, всевозможные заповедники, сам статус которых говорит о том, что перед нами нечто отличное от реальной живой жизни. Быть может, далеко не все традиции следует сохранять и развивать. Например, едва ли перспективным на сегодняшний день является развитие Урала как исключительно горнопромышленного региона, носителя культуры городов-заводов, не отвечающих современным тенденциям ни в промышленности, ни в экономике, ни в экологии, ни в духовной культуре.

Мы обозначили, безусловно, не все существующие проблемы и спорные моменты, но лишь те, которые показались наиболее важными. В их решении, возможно, заложены дальнейшие перспективы развития регионалистики.

Примечания

1. Лотман Ю. М. *Семиосфера*. СПб.: «Искусство-СПБ», 2000.
2. Ожегов С. И. *Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1989.*
3. Паперный В. З. *Культура 2. М.: Новый литературный обзор, 1996.*
4. *Семиотика пространства: Сборник научных трудов / Под ред. А. А. Барабанова. Екатеринбург: Архитектон, 1999.*
5. *Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Рус. словари, 1994. Т. 3.*
6. *Человек и город: пространство, формы, смысл: Материалы Международного конгресса Международной ассоциации семиотики пространства (Санкт-Петербург, 27-30 июля 1995 г.): В 2 т. Т. 2. Екатеринбург: Архитектон, 1998.*
7. *Энциклопедический словарь – Репринтное воспроизведение издания Ф. А. Брокгауз - И. А. Ефрон, 1890. М.: Изд. центр «Терра», 1990. Т. 49.*